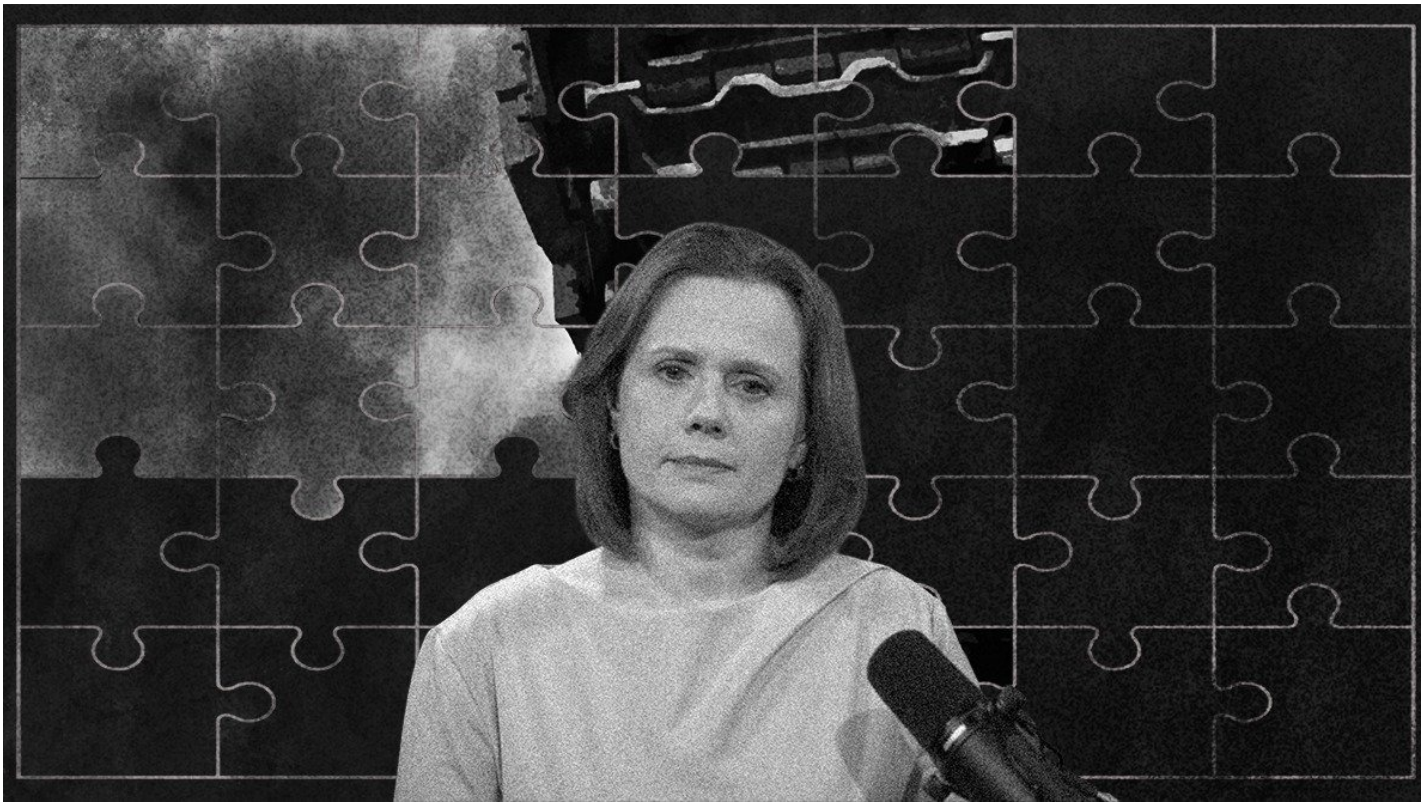
НОВАЯ ГАЗЕТА

ЛАБОРАТОРИЯ БУДУЩЕГО • ОБЩЕСТВО

Никакого статус-кво

Неопределенность не должна пугать — она открывает пространство возможностей. Эссе Ольги Тихомировой

13:05, 15 июля 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

Ольга Тихомирова

журналист

Моя коллега и подруга Наталья Ростова недавно задала вопрос своим уехавшим из России друзьям в Facebook*: «Верите ли вы, что вы вернетесь?» В этом ее вопросе проявилось сразу несколько аспектов, которые говорят об образе будущего и при этом тесно связаны с настоящим.

Во-первых, это вопрос про веру, а не про планы, будущее здесь представляется независящим от самого человека. Вера не предполагает действие, она не основана на оценке собственных возможностей и не зависит от собственных действий. Это такое подсознательное восприятие будущего как неизвестного и управляемого извне временн*о*го пространства. Новое время принесло ощущение, что будущее создаем мы, но эта уверенность исчезает на фоне потрясений, с которыми мы сталкиваемся: это ***, это эмиграция, это непредсказуемые правители. В таких условиях ты не можешь планировать, ты можешь только верить.

Второй аспект, который выделяется в этом небольшом посте, — не обсуждаются условия и временны*е* промежутки. Ни слова об этом — предлагается представить себе возможное возвращение (к прежней жизни?) в воображении. И думаю, у всех отвечавших были свои образы того места и того времени, куда можно будет вернуться. Скорее всего, они отличались, потому что чудовищно трагический уход Алексея Навального разбил концепцию Прекрасной России будущего, о которой можно было спорить, но она была образом другой страны.

Ответы же были интересны не тем, сколько уехавших строит такие планы, а сколько нет — опрос, естественно, нерепрезентативный, а интонациями. Общее впечатление

такое, что те, кто выбрал отрицательный ответ, написали просто «нет», без объяснений. И вот эта однозначность даже как будто задела. Исследователи, историки и философы посвятили не одну работу образу будущего и его значимости для развития общества, с развитием Нового времени появилось именно общественное, а не личное будущее, и религиозные христианские представления о едином будущем уступили место множеству возможностей, определяет которые человек — субъект. Это было поле добровольного проектирования *(сноска 1)*.

Фото: Алексей Душутин / Коммерсантъ

«Вечное настоящее»

Поэтому эта однозначность имеет прямое отношение к образу будущего. Он показывает сжимающийся, если уже не сжатый, «разрыв между опытом прошлого и горизонтом ожидания» *(сноска 2)*. Публичная риторика режима устроена так, что он стремится этот разрыв закрыть, исходя из

предположения, что любые перемены приведут к худшему, они опасны. Стабильность провозглашается ценностью, проектируется не будущее, а самосохранение, а мир предлагается как завершенный, не подлежащий ни сомнению, ни переформатированию *(сноска 3)*. Сорокинские антиутопии доводят этот процесс до абсурда, но смысл именно такой.

Будущее как горизонт исчезает: оно мыслится как повторение прошлого или как угроза. Мышление все чаще приобретает черты, напоминающие средневековое: история замыкается в круг, в котором нет «после». И в этом смысле очень характерно сближение власти и церкви, в единстве отсутствия общественного будущего. Такой подход, правда, насаждает ожидание катастрофы, ведь что будет, когда закончится настоящее?

> Время на наших глазах становится относительным — в одной части мира широкое будущее, а в другой его закрыли шторками настоящего и прошлого, так, для легитимности.

Роль человека в этой конструкции — принять ее, привыкать к такому образу жизни и планировать свое персональное будущее, исходя из условий (это не обязательно путь конформизма, это может быть путь сопротивления, но он тоже идет в существующих условиях стабильности и ограничений с соответствующими последствиями), или же выйти за эти условия. Эти две возможности породили разную оптику у тех, кто выбрал один или второй путь, и каждый раз вызывают все новые волны дискуссий о том, как правильно. Хотя правильного тут нет — есть исторический опыт и горизонт ожиданий, который либо расширяется, представляя

разнообразие возможностей и их выбора, либо сужается до повторения пройденного.

Несколько лет назад один из фондов, названный именем убитого российского политика, исследовал российскую молодежь в сотрудничестве с «Левада-центром»** *(сноска 4)*. Мы проводили опрос, пытаясь как раз получить ответ об образе будущего. Респондентами были тысяча молодых жителей больших городов России. Из них 62% бывали в других странах. Их спрашивали о планировании своего будущего — оказалось, что большинство молодых людей планируют свое личное будущее максимум на два года вперед. Я до сих пор не могу привыкнуть к немецкому образу планирования на месяцы, годы, десятилетия. И это какое-то другое устройство мозга, которое позволяет так представлять себе будущее.

> В качестве причин такого короткого «смотрения вперед» молодые россияне называли экономическую ситуацию, нарушение прав граждан, отсутствие поддержки со стороны государства, нестабильность, отсутствие достоверной информации.

Тогда, в 2018 году, 63% опрошенных молодых россиян говорили о необходимости значительных изменений.

Одновременно, отвечая на вопрос о влиянии своих собственных действий на эти изменения в масштабах страны, большинство — 71% — считали, что оно стремится к нулю, а 24% называли

свое влияние на развитие событий незначительным. Ответы были несколько другими в масштабе своего города — 48% не верили в эффективность своих действий для влияния на развитие ситуации, 43% считали ее незначительным. Влиятельными свои действия молодые люди считали в масштабе семьи, в близком кругу. Отсутствие веры в собственную субъектность в своей стране — это часть того, что Левада называл атомизацией общества. И это кажется одним из важных условий для наступления «после».

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Где это «после»?

Кажется неточным искать событие, которое разорвет этот круг: после мира, после ухода Путина, после смены власти, после чего там еще. «После» не наступает автоматически ни после мира, ни после ухода конкретного человека, каким бы персоналистским ни был режим. Это все события в календаре,

то, что наступает после них, — это «свобода от», а возвращение будущего выглядит как процесс мышления, изменение способа мыслить время и требует «свободы для». Хрестоматийный и банальный пример Германии после 1918 года — страна и общество пережили крах империи, но не смогли справиться с возвращением будущего — с неопределенностью, ответственностью, конфликтом. В результате «после» оказалось лишь паузой между катастрофами. Напротив, послевоенная Германия после 1945 года смогла заново выстроить будущее (с внешним влиянием и участием) именно потому, что признала разрыв — с прошлым, с иллюзиями, с идеей исторической исключительности.

> Но здесь у меня возникает вопрос — нужна ли катастрофа для того, чтобы до сих пор немыслимое стало мыслимым.

Если исходить из исторического опыта — то есть разные модели перехода. Вот сейчас мы наблюдаем события в Венесуэле: освобождение политзаключенных, встречи власти и оппозиции. Все это под внешним давлением. Но главное — без катастрофы. Интересно, к чему все это приведет.

„Noch-Nicht-Bewusstes“ (еще-не-осознанное)

Вернусь к вопросу в Facebook «Верите ли вы…?». Я написала в комментарии короткое «Нет» и, как и большинство ответивших так, не стала объяснять. А потом, что, если бы вопрос звучал «Надеетесь ли вы?», я бы, вероятно, ответила по-другому. Потому что надежда — это совсем другая онтологическая категория, как называл ее философ-неомарксист Эрнст Блох *(сноска 5)*. И как раз надежда создает будущее, служит ориентиром для действия, в отличие от веры, которая

предполагает ожидание. Надежда превращает «еще-не-осознанное» в то, что «еще-не-бытие» в настоящем, но уже имеет потенциал им стать в будущем, и она побуждает к изменениям. Мне нравится эта концепция, про потенциал и возможности. Главное — сделать свою утопию максимально конкретной.

Размышляя о «после» для России, я думаю об условиях, которые нужны для этого нового образа мысли. Тут я упираюсь в банальности, которые как-то неудобно и описывать, но для меня они важнее персоналий. Это очевидные свободы — мысли, слова, самовыражения. Отсутствие сомнений, вопросов, альтернатив, критики в публичном пространстве закрывает горизонт. А кроме того, ведь именно в публичном взаимодействии, как пишет Ханна Арендт *(сноска 6)*, свобода и проявляется, не в автономном личном.

Общество, живущее с лозунгом «лучшее — сейчас» или «лучшее — позади», довольно депрессивно и принципиально отличается от общества, в котором действует иная логика: сейчас может быть плохо, но завтра должно быть лучше. Любая жизнеспособная идеология, любое устойчивое общественное устройство строится на конкуренции за лучшее будущее или же конкуренции будущего с настоящим и прошлым, что тоже возможно. Не за сохранение статус-кво, по принципу как бы не было хуже, а за право предложить более убедительный проект. Именно поэтому вторым

> ключевым условием будущего становится конкуренция — в самом широком смысле: конкуренция идей, конкуренция смыслов, конкуренция образов будущего.

Фото: Алексей Белкин / NEWS.ru / ТАСС

Не отрицание другого, а признание его существования и попытка понять, почему его идея может оказаться эффективнее твоей, и сразу же с признанием права на ошибку.

Третье условие — разделение властей, отсутствие монополии на власть. Это прямое продолжение конкуренции. И это разрушает средневековую иерархичность и сокращает дистанцию от людей к власти. Гирт Хофстеде *(сноска 7)* отмечает у россиян широкую дистанцию между властью и обществом, которая воспринимается как естественная, тогда как власть видится как нечто внешнее по отношению к человеку.

Ощущение себя как участника процесса, не в роли объекта изменений, а в роли субъекта их производящего — это четвертое условие, позволяющее обществу не

приспосабливаться, а влиять на развитие. И тогда это будет общее будущее, а не внешнее развитие обстоятельств и событий, которые надо пережить.

Неопределенность не должна пугать — она открывает пространство возможностей. Когда горизонт будущего расширяется, люди начинают видеть альтернативы, создавать новые смыслы и образы. «После» наступает там, где разрешено думать и спорить о будущем и отказываться от того, чего достигли в настоящем. И вот на это я надеюсь.

СНОСКИ

1 Hölscher L. Die Entdeckung der Zukunft. Göttingen: Wallstein Verlag, 2016.

2 Koselleck R. (1979). Vergangene Zukunft, Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main. Suhrkamp Verlag.

3 Так и Юрчак анализирует позднесоветское общество как пространство, где исчезало чувство подлинного будущего: система казалась вечной, но работала без внутренней направленности к изменениям. Юрчак А.В. (2014). Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО.

4 Исследование проводилось в 2018 году среди молодежи крупных городов России, Украины и Беларуси. В 2023 году «Левада-центр» провел новое исследование среди разных возрастных групп респондентов, где горизонт планирования оказался еще меньше.

5 Bloch E. (1986). The principle of hope. Cambridge, MA: MIT Press.

6 Arendt H. (1961). Between Past and Future. Viking Press.

7 Hofstede G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations* (2nd ed.). Sage Publications.

* Принадлежит компании META, деятельность которой признана в РФ экстремистской и запрещена.

** Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».